

живцы по музею, начиная съ директора,—при немъ ихъ было двое, Дашковъ и Веневитиновъ,—и до послѣдняго сторожа. Сторожа не могли, конечно, оцѣнить его знаній, но уважали, видя всеобщее къ нему почтеніе, несмотря на незначительность его должности и бѣдность его костюма, который назвать скромнымъ было бы недостаточно. Уваженіе сторожей усугублялось еще тѣмъ, что онъ отдавалъ имъ чуть-ли не четверть своего жалованья ради того, чтобы они не роптали на него, приходившаго въ музей раньше всѣхъ, за два часа до открытия, и уходившаго оттуда послѣ всѣхъ, спустя часъ и даже два послѣ закрытия музея, хотя сторожа жили при музѣ и пребываніе Н-лай ѡ-ча въ музѣ излишнее время ихъ ничуть не беспокоило. Къ чести директоровъ музея надо сказать, что много разъ они предлагали Н-лаю ѡ-чу занять высшую должность, но онъ всякий разъ упорно отказывался, предоставляя занимать предлагавшіяся ему должности другимъ; самъ же довольствовался жалованьемъ въ 498 рублей и особенно дорожилъ тѣмъ, что получалъ менѣе пяти сотъ рублей, такъ какъ въ Москвѣ получающіе пятьсотъ и болѣе должны отбывать повинность присяжныхъ засѣдателей, а Н-лаю ѡ-чу ни за что не хотѣлось быть въ роли судьи. Въ Румянцовскомъ музѣ Н-лай ѡ-чъ прослужилъ до пенсіи, а затѣмъ вышелъ въ отставку, разсчитывая вполнѣ и безраздѣльно отдать своему великому дѣлу,—разработкѣ вопроса о причинахъ небратскаго состоянія міра и способахъ, какими возможно устранить эти причины и объединить родъ человѣческій въ великому общемъ дѣлѣ спасенія. Но пенсія его была такъ мала, всего 17 руб. 51 коп. въ мѣсяцъ, что и ему, не баловавшему себя, было этого недостаточно, и послѣднее время онъ служилъ въ архивѣ министерства иностраннѣхъ дѣлъ, гдѣ былъ принятъ не только съ готовностью, но и съ радостью, потому что и тамъ его хорошо знали. Приняли-бы его опять съ радостью и въ музѣ, но Н-лай ѡ-чъ не любилъ почему-то возвращаться на старыя мѣста. Знаю я Н-лай ѡ-ча съ 15 марта 1864 года, и все это время онъ велъ самую строгую, суровую, подвижническую жизнь, обѣда большою частью не имѣлъ, питался обыкновенно сухоядѣніемъ, только чай пилъ всегда хороший и довольно крѣпкій, но совсѣмъ безъ сахара; постели никогда не имѣлъ, ложе его всегда было жестко, не имѣлъ даже подушки, которую ему замѣняли книги. Толстой, когда бывалъ у него, особенно замѣтилъ, особенно обратилъ вниманіе и удивлялся тому, что у него даже подушки нѣтъ. Н-лай ѡ-чъ спалъ очень мало, всего 4—5 часовъ въ сутки, но сонъ его даже въ старости былъ очень крѣпокъ и безъ всякихъ сновидѣній. Должно сказать, что Н-лай ѡ-чъ не любилъ видѣть человѣка спящимъ; сонъ напоминалъ ему смерть, и онъ говорилъ, что ему всегда хочется разбудить спящаго. Толстой-же, напротивъ,—ему жаль разбудить спящаго, если человѣкъ спитъ, значитъ онъ покоенъ, зачѣмъ его тревожить. По Толстому—самое лучшее, если-бы спящій совсѣмъ не просыпался.

Только послѣ напечатанія всего выше изложеннаго я познакомился съ третьею легендою гр. Л. Н. Толстого подъ заглавіемъ „Трудъ смерть и болѣзнь“; всѣ три легенды: 1. Ассирійскій царь Ассархадонъ; 2. „Три вопроса“ и 3. „Трудъ смерть и болѣзнь“ были предназначены для сборника въ поль-